

8 МАРТ 1971

ПУТЬ К ВОСХОЖДЕНИЮ

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ ГРУЗИНСКОЙ ССР И АБХАЗСКОЙ АССР В. МААН

ОБЯНИЕ... Как перегорать, определить, из чего складывается оно? Это не то же самое, что дарование, хотя часто они связаны. Оно не обязательно сопутствует красоте, хотя легко заменяет ее. Но и красота и дарование, как правило, проигрывают, если нет обаяния. Особенно проигрывают на сцене.

Впервые я увидела эту актрису в одном старом спектакле, где она играла тещу. Маленькая, почти эпизодическая роль. На сцене разгорались страсти. Здесь царила действенность: убийства, стуны, проклятия, любовь, смерть. И все это подавалось слишком наглядно. Актеры рвали и метали, а зритель лишь наблюдал... не очень веря им. Но вот появилась маленькая, хрупкая старушка, вся согнувшаяся под тяжестью происходящего. Она ничего не доказывала, не говорила. Она рассказывала... молча. Весь ее внутренний и внешний вид говорил о страшном горе, которое она переживает. И ты верил ей. Позже мне приходилось смотреть этот же спектакль в более усовершенствованном виде. Все было гораздо лучше, чем прежде, но вместо той старушки была другая актриса. И я лишь наблюдала спектакль...

Совсем недавно я встретилась со своей «старушкой». Правда, теперь она была уже... царицей в спектакле «В солнечное затмение». В ней жило горе и отчаяние женщины, которой отказывают в самой большой радости — воспитывать и растить своего единственного ребенка. Это нужно государству, необходимо царю (ее мужу). Но она вряд ли понимает, для чего это нужно. Ее полуживые губы шепчут согласие. Согласие, которое убьет ее дитя, ее саму. У нее нет выбора, так же, как нет и выхода. Она увлекает тебя за собой, за своим горем, заставляет переживать, чувствовать, мыслить...

Но потом над актрисой нависла опасность повторе-

приобрела актриса популярность, стала любимицей публики. Она играла то, что было лучше всего ей знакомо: играла себя в разных вариантах.

В этих своих ролях В. Маан привлекала зрителей подлинным чувством юмора, выразительной, гибкой пластикой, тонкой, не только внешней, но и внутренней музыкальностью, гармоничностью, подкупающей, трогательной доверчивостью. А главное — искренностью. Той неподдельной, настоящей искренностью, которой в конце концов и определяется успех актрисы. Девушки Виолетты Маан были прелестны в своей непосредственности, душевной свежести, откровенности. Она умела тонко, с чувством меры проникать в их душевную смуту, отыскивая то главное, основное, что необходимо познать, почувствовать и передать.

Но потом над актрисой нависла опасность повторе-

ния однажды найденного. Настоящему актеру знакома эта опасность, он обязательно чувствует ее. Актриса тосковала по другим ролям, по другим героям. До сих пор была использована лишь частица ее актерского дарования, лишь одна грань ее таланта. Ждать Виолетте Маан пришло немало. Но вот счастливая случайность! Случайность, которая была закономерностью.

...Испания-тюрьма. Выхода из этой тюрьмы ищут и Дон Карлос, и королева, и принцесса Эболи. Для подлинной актрисы Эболи — находка! Сколько внутренней силы, огня, чувств, любви и ненависти в этой принцессе! Она как бы соткана из противоположности. Раскрыть ее внутренний мир, передать все глубинные чувства этого образа, прожить ее сложную жизнь по плечу далеко не каждой актрисе. Виолетте Маан тут понадобились все ее личные и профессиональные качества, совершенная техника и обнаженный нерв. Она использовала весь свой прошлый опыт и все грани своего дарования.

Мгновенная быстрота душевных переходов, когда каждая секунда решает многое. Когда невозможны, непростительны ошибки (времени на их исправление нет). Все очень быстро, скжато, гармонично. Нервность — так бы я определила основной тон актрисы в этой роли. Нервность. Но без тени истеричности, малейшей театральности, лишнего поворота головы. Все рассчитано, взвешено, и все — на искренности. Обнаженный нерв так сильно бьется, ища выхода, что зритель как бы видит его. Все действует в актрисе — и лицо, и руки, и спина, и голос, и душа. В каждой сцене — она разная. Первая сцена ее с Дон Карлосом: сколько искренности, нежной любви, внутреннего одухотворения, женственности, кокетливости! Как гармонична, прекрасна она в своем беспредельном чувстве! Но вот обман. Она разочарована, опозорена. Секунда растерянности, потерянности и... — перед нами совсем другая женщина. Ненависть, месть! Вот что

чувствует в ее груди. Действовать, чтобы преодолеть страх и стыд. В безумных, отчаянных, неправдоподобных, противоречащих ее натуре решениях, в позорных сделках, в продажных, низменных интригах ищет Эболи — Мани выход. И опять — смена. Все сделано, все совершено, а выхода нет. Неистовая, отчаянная любовь к королеве, ненависть к себе, стыд за совершенное. И презрительного взгляда королевы, брошенного на ее позднее, теперь никому не нужное расписание, достаточно, чтобы рухнула последняя надежда. Все кончено... Так и погибла Эболи — Мани, не найдя выхода из этой проклятой тюрьмы.

Мне приходилось видеть Виолетту Маан сразу же после спектакля. Усталая, измученная, она не в силах поднять руки, чтобы разгримироваться. Актриса только что прожила целую нелегкую чужую жизнь. Но стоит заговорить о только что сыгранной роли, как моментально исчезает усталость, и актриса готова часами слушать, возвращать, спорить. Меня поражало в Виолетте Маан ее постоянное чувство «голода» и неудовлетворенности собой: можно было, нужно было лучше, что-то упущенное, что-то недопонятое...

Проникнув в мир Стенли (спектакль «Трамвай «Желание»), Стелла, как могла, оградила его от жизни. Она очень старалась сохранить чистоту и спокойствие этого убогого мира. Она мирилась с грубостью, нахальством и невоспитанностью Стенли, только бы не разрушить своего маленького счастья. Возможно, Стелла знает, что счастье не может быть маленьким, если оно настоящее. Возможно, понимает, что жить в неведении нельзя. Но если могут другие... Но если так живут многие... Это не жизнь, а существование? Что ж, Стелла примирялась и с этим. Возможно и существование, только бы не разрушить этот непреклонно склонченный мирок. Иллюзия любви, иллюзия счастья? Но если признать эту иллюзорность, то что же дальше? Вот это

далее и пугает слабую, беззащитную Стеллу, которая в глубине души чувствует недолговечность своего жалкого, ограниченного мира.

В постановке пьесы Т. Уильямса «Трамвай «Желание» театр не удовлетворился только преодолением драматургического материала. Режиссер, взяя за основу его главную линию (социальную сторону), попытался выйти за ее пределы, заглянуть в глубь того, что задано текстом. В треугольнике Бланш — Стелла — Стенли Стелла заняла центральное место. Возможно, это противоречит данному материалу, возможно у Уильямса Стелла является вспомогательной частицей образа Бланш, его фоном, но театр решил этот треугольник таким образом.

Все события, происходящие на сцене, прежде всего касаются Стеллы, проходят через нее. При столкновении двух миров (Бланш и Стенли) больше всех терпит Стелла, так как именно она принадлежит и тому, и другому. Их совершенное не-приятие друг друга убивает прежде всего ее. Измученная, опустошенная, она смотрит вслед уходящей Бланш. Ни тени страдания, боли, отчаяния — во взгляде одна лишь растерянность. Актриса с такой искренностью, удивительной точностью передает эту растерянность, что боль и волнение не только за дальнейшую Стеллу, но и за весь треугольник охватывает зрителя. И в этой как бы незавершенности, недосказанности есть та прелест, которая, возможно, и определяет успех всего спектакля.

...А завтра утром на репетиции опять начало новой жизни, совершенно другая женщина, другое время...

Лучшей своей ролью актриса считает роль, которая еще не сыграна, которая в мечтах... Роль, где свобода и наслаждение творчеством соединились бы с глубокими мыслями, с боями и нервами современности.

С. КОРСАЯ,
студентка ГИТИСа.